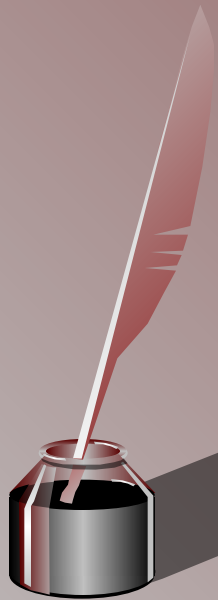

**«ИЗ ПЛАМЯ И
СВЕТА
РОЖДЕННОЕ
СЛОВО»**

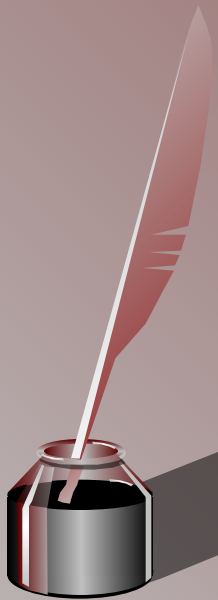
- Для Лермонтова творчество — «всесожигающий костер», «жажду песнопений» поэт называет «страшной». Почему же?
- Человек другой эпохи, Лермонтов видит разъединение людей, а не общность. Да и как найти гармонию своих чувств и их выражения в слове?

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

«Моя душа, я помню, с детских лет...» («1831-го. Июня 11 дня»).

- «...Когда после революционной попытки 1825 года мрачная тяжелая система Николая придавила всякое умственное движение,— писал А. И. Герцен,— к смеху присоединилось молчаливое, сосредоточенное отчаяние и, между цензурными вырезками, стала чувствоваться совсем иная скорбь. Сравните, например, грустные ноты пушкинской поэзии с печалью, проникающею стихи Лермонтова; в первой чувствуется негодование от полноты силы, во вторых — **безнадежный скептицизм надломленной души**».

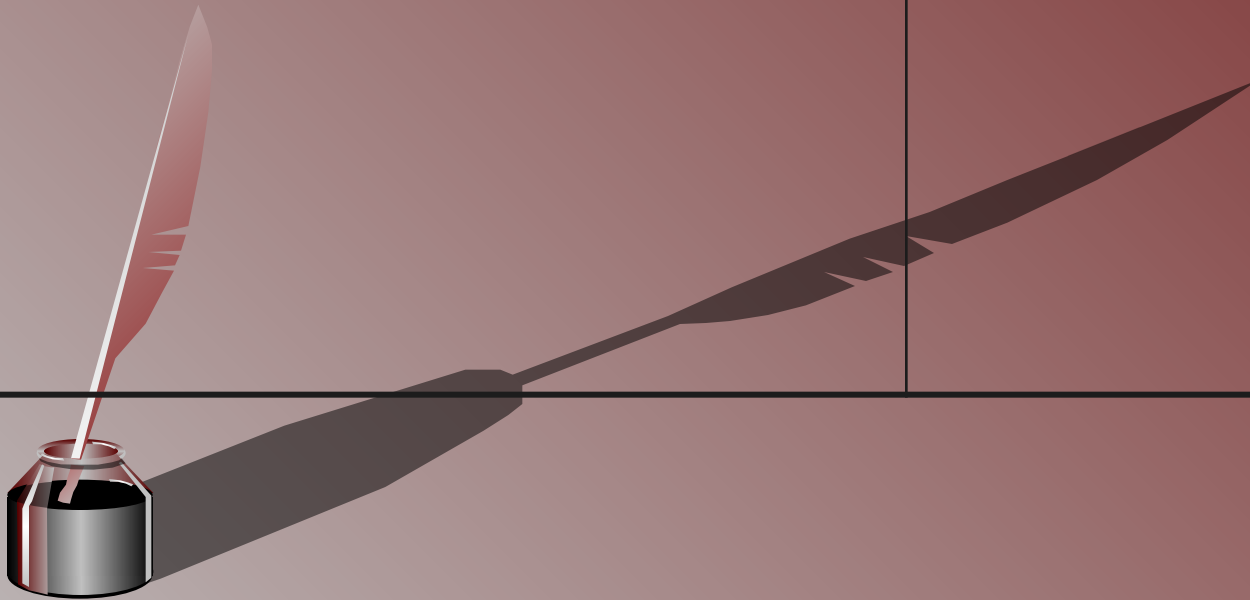
Чем вызван скептицизм поэта?

(поэзия - кинжал)

бывало

(поэзия - кинжал)

теперь

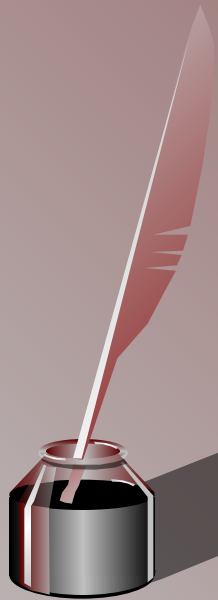
Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговеньи?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

- Лермонтов, вероятно, не раз чувствовал себя «умирающим гладиатором», забавляющим равнодушную толпу. Это — реальное положение поэзии в век «позорно малодушных». А мечтал Лермонтов о другом:

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вичевой
Во дни торжеств и бед народных.

«Поэт». 1838

- Поэзия несет высокое предназначение и призвана объединять людей. Сила заключенного в слове чувства — зов человечества к высшей духовности.
- Прочитав стихотворение 1839 г. «Есть речи...», мы понимаем, почему в Лермонтове побеждала вера в поэзию при всей мучительности творчества.

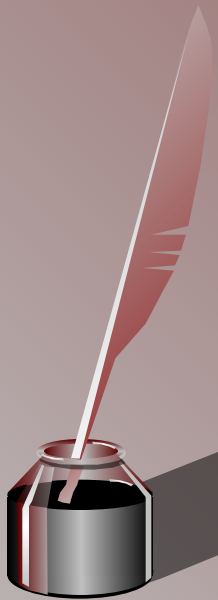
**Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.**

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;
Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

- «Из пламя и света рожденное слово» вызывает не просто волнение, но порыв — «навстречу». И для самого поэта творчество — спасительное освобождение от страдания, приход к гармонии, вере.

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камни.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей
пищи;

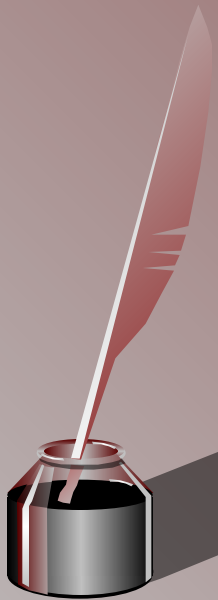

М.Врубель «Голова пророка»

**Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.**

**Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!**

**Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»**

- Легко ли поэту быть пророком?
- Нужен ли людям поэт-пророк?
- Что спасает его от отчаянья?

